

... Эти материалы я не собираю специально. Они словно появляются сами, они словно сами выбирают время, когда им надо прийти к нам...

От человека остаются память и бумаги. Бумаги называются архив. Судьбы личных архивов часто печальны. Никто не уничтожает их так, как благодарные родственники и государство. В этом часто находят свой выход глупость, зависть и злоба.

К слову, у нас нет и традиций хранения домашних архивов. Часто их хранят просто нигде — у большинства моих соотечественников просто нет старого, освещенного традициями Дома. Такого Дома, в котором жили бы многие поколения людей. Где детям и внукам на память оставалось бы сделанное (написанное) отцом, дедом, прадедом...

Так разлетающиеся в разные стороны, бросаемые под ноги, сжигаемые при переездах с места на место домашние архивы гибнут, лишь редкие листки старой жизни обретают новых хозяев. И совсем редко бывает, что эти листки затем не умирают в молчании, а публикуются, становясь достоянием многих. А люди, не имеющие памяти, все начинают заново, в конце жизни приходя в итоге к тому, что до них давным-давно испробовано и пережито...

Конечно, по сию пору многие ждют своего часа, чтобы стать достоянием всех. За последние три-четыре года опубликовано огромное количество новых материалов о Пастернаке, Мейерхольде, Есенине, Блоке, Булгакове, Платонове, Бунине, Зайцеве, Алданове, Рахманинове, Шалапине... Список огромен. И, может быть, не архивы этих людей — сами эти необычные и талантливые люди выбирают время, когда им надо прийти к нам. К тем, кто слишком часто не помнит родства, — чтобы не наделали новых глупостей и ошибок...

У материалов, которые мы предлагаем читателям сегодня, — тоже обычная для России недавнего времени судьба. Они тоже имеют хоть и небольшую, но свою историю. О ней — очень коротко.

Во-первых — об интервью. Оно взято итальянским журналистом Энрико Регаццони (опубликовано в журнале "ЭУРОПЕО", 1987 г.) у актрисы Вероники Полонской, "последней любви Маяковского". Предваряя интервью, журналист отмечает, что "госпожа Полонская — элегантная стройная дама. Ей 79 лет, она живет в Доме ветеранов сцены, находящемся на окраине Москвы, и в своей улыбке сохраняет то, во что влюбился Маяковский". Происходит все "в комнате ее миниатюрной квартирки, которую она делит с другой женщиной-ветераном, комнате, ставшей непроходимой из-за того, что в ней висит большой абакжур, стоит ваза с цветами и бронзовый бюст поэта".

К слову сказать, попытки опубликовать это интервью в советской печати тогда же, в 1987-м, успеха не имели. Переведенный с итальянского по моей просьбе экземпляр был отправлен на Старую площадь, там не сказали ни "да", ни "нет", что в то время для осторожного редактора одного из московских журналов означало "нет категорически", даже в начале Горбачевской эпохи Маяковский оставался священной Советами канон, бронзовым памятником и не более.

Каждому интересна биография великого человека. ЖЗЛ — не задумка Горького, до него были изданные во множестве книги Павленкова, считавшиеся необходимой принадлежностью многих русских культурных семей. "Великий пролетарский писатель" лишь развил народившийся в начале века интерес к биографии, как учебнику жизни ("делать жизнь с кого?"). Штрихом к биографии Маяковского могут стать и эти воспоминания актрисы Вероники Полонской (в труппе МХАТа с 1924 по 1935 год), рисующие Маяковского совсем не таким, каким он был для поколений советских людей, но человеком из плоти и крови.

...Один из исследователей творчества Маяковского Павел Ильич Лавут, автор книги "С Маяковским по Союзу", из которой была выброшена цензурой 60-страничная глава с материалами о гибели поэта, говорил в 70-х, незадолго до своей смерти, что тайна ухода Маяковского настолько "велика есть", что вряд ли мы узнаем о ней до конца столетия. Лавут не ошибся. Те же, кто размышлял о гибели поэта (и в этом ценность интервью тоже), не могли пройти мимо фигуры "маленькой невесты" Маяковского, фигуры во многом загадочной и трагической, послужившей, как считают некоторые, невольной причиной его гибели. Много логических несоответствий в поступках Маяковского и в этом интервью, в той его части, где рассказывается о смерти поэта. Мы не навязываем выводов, не строим гипотез. Все нестыковки в рассказе Полонской внимательный читатель может заметить и без подсказки.

Второе, о чем хочется сказать в связи с нашей публикацией, — рисунки, изображения поэта. Они сделаны родившимся в 1902 году знаменитым художником, чехом Адольфом Гомбейстером (в моем архиве хранятся его рисунки Шоу, Сартра, Арагона, Кокто, Горького и многих других писателей и поэтов). Много лет назад они были привезены из Германии и, насколько я знаю, в России еще не публиковались.

И, наконец, — фотографии. Это не "любви" Маяковского (за исключением одной), а просто женские типы, переснятые из старых журналов известным московским фотографом Артемом Задякин-младшим. Да, те самые домашние архивы, с размышлений о которых мы начали и добрым словом о которых закончим вступление к рассказу о необыкновенном чувстве, о любви великого поэта.

Маяковский:

романтичный и восторженный, очень нежный и иррациональный, но всегда охваченный отчаянной жизненностью.

Вероника Полонская

вспоминает поэта революции. И тот день, когда рядом с ней он выстрелил себе в сердце.

"Лодка любви" (это два слова из последнего стихотворения, ставшего известным всей читающей России сразу после смерти поэта) разбился утром 14 апреля 1930 года. В возрасте всего лишь 37 лет поэт революции выстрелом из пистолета в сердце решил закончить... клеветники, предостерегать, подгонять, высмеивать... Возможно, это был самый подходящий момент: в России началось период жестокого и кровавого счетоводства, период, во время которого Маяковский был обречен на уныние. После того как он перелюбил и перененавидел все, ему оставались лишь тоска повседневности и стойкость духа.

...Он любил не одну женщину. Последней была 22-летняя актриса Вероника Витольдовна Полонская.

Эта история, как и многие истории в СССР, имеет главным героем закрытый ящик. Действительно, в 1938 году директор музея Маяковского написала Веронике Витольдовне следующее письмо: "Моя дорогая, Вы были наиболее близки с Маяковским в последний год его жизни. Вы должны рассказать нам об этом. Вы не имеете права отказываться". Актриса прилежно исполнила просьбу. В двух тетрадях она от

атре и были очень заняты. Особенно он. После репетиций я сразу же бежала к Маяковскому. Но гораздо чаще мы встречались втроем. Муж был его большим почтателем и некоторое время ни о чем не догадывался. У нас не было определенного расписания встреч, и это нам помогало.

— А когда Яншин почувствовал неладное?

— Позднее. Он отправился в Казань, где проходили кинофестивали. А оттуда поехал на дачу. Я же уехала с подругами в Хосту, на Черное море. Маяковский был там рядом, он читал стихи в Сочи. Там мы встретились. Затем он уехал в Ялту, и я пообещала, что мы увидимся там. Но я заболела. И вот в то время поползли слухи о наших отношениях. Я послала ему телеграмму: "Не приеду. Встретимся в Москве". Он ответил мне срочной телеграммой. Он написал стихотворение о телеграммах, которое, возможно, относится ко мне. Вообще он посылал мне множество телеграмм. Одна из них даже поразила телеграфистов: в ней было сто слов.

— Вы помните все это совершенно отчетливо или же вспоминаете то, что написали?

— Я помню то, что написала. Все это было много лет тому назад, и долгое время после смерти Маяковского я не могла вспомнить, мне было плохо. Лишь в 1938 году, когда меня попросили, я написала то, что помнила.

— В 1938 году эти воспоминания причинили вам много боли?

— Даже сегодня я не могу вспомнить его без боли. Его смерть была гораздо более неистова, во зле, чем все самые прекрасные моменты. Мне тяжело говорить об этих вещах.

— Расскажите о том, как вы вернулись в Москву.

— Это было осенью. Было очень пыльно, нас в поезде была целая компания. Все были друзья по театру, в поезде не было спальных мест, только сидячие. Когда вагон стал проходить вдоль перрона московского вокзала, друзья сказали мне: "Смотри, тебя ждут". Я подумала о своей матери, потому что муж был в поездке. Но вместо нее увидела Маяковского: он стоял там, на платформе, с тремя красными розами в руке. В тот момент, когда я его увидела, у моего чемодана оторвалась ручка. И все вывалилось — зубной порошок, белье... Я растерялась. Он помог мне все собрать и сказал, что предупредил мою мать, что встретит меня. "Я принес тебе только три розы потому, что не хотел походить на влюбленного студента", — сказал он. И в тот момент он был действительно нежен и влюблен. Так начался период беззаботных отношений. Мы часто бывали в ресторанах, гуляли. Я ходила к нему домой на Лубянку. В то время я добила большую роли в пьесе "Наша молодость". Маяковский был очень рад за меня, говорил, что будет ходить на все спектакли и будет посылать мне цветы от невесты поклонника. Затем, однако, он заметил, что работа отвлекает меня от него, и разозлился. Прочел пьесу, мой список роли и сказал, что все это ему противно и что он не придет в театр ни на премьеру, ни после. "Ты не должна быть актрисой, тебе нужно оставить театр", — крикнул он в тот день.

— Итак, что то треснуло?

— Отношения становились трудными еще и потому, что Яншин начал подозревать, а Маяковский требовал ежедневных встреч. Видеться с ним каждый день было в самом деле нелегко, много времени отнимала работа.

— В этот период вы еще чувствовали, что любите своего мужа?

— Уже нет. Мы поженились, можно сказать, детьми, мне было 17 лет. С Яншиным у меня были хорошие отношения, но у него была своя жизнь, а у меня — своя. Совершенно иные отношения были с Маяковским. Он хотел сформировать меня как человека и, конечно, оказывал большое влияние на мой профессиональный рост.

— Почему Маяковский не предлагал вам уйти жить к нему?

— Он предложил мне это, но позже. В тот, первый период он был привлечен моей молодостью, свежестью. Он выходил из несчастной любви к Татьяне Яковлевой.

— Да к тому же была Лили Брик...

— Лили была для него прошлым, их любовные отношения прекратились в 1925 году. О Татьяне же я, наоборот, узнала лишь впоследствии.

— Что это значит? Что Татьяна "присутствовала" в ваших отношениях?

— Некоторое время после нашей встречи он поддерживал связь с Татьяной. А затем она вышла замуж. Для него это было серьезным ударом, и он, должно быть, сильно страдал.

— В некотором смысле Маяковский нашел в вас утешение после любовного разочарования с Татьяной.

— Скажем, что со мной он утолил свою боль. Но это я поняла позже.

— Вы были ревнивы?

— Вынаലെ — нет, потому что знала, что у него никого нет. Он все время проводил со мной. Я немного ревновала к Лили, поскольку не совсем понимала, какие отношения были в этой семье. Они жили втроем: Лили, Осип и Маяковский. Но у Лили были свои дела, у Осипа — тоже. Маяковский был сам по себе.

— Тогда почему они жили вместе?

— Из-за прошлого любви?

— Нет, потому что они были семьей. Правда, уже безо всякой ревности. Помню, как однажды я пошла к нему в их дом и он пытался убедить меня остаться на ночь. Лили и Осип были в Ленинграде. Я сказала: "Но если завтра утром явится Лили и увидит меня, что она скажет?" — "Скажет: одобрю!" — ответил он.

— И что же было дальше?

— Маяковский все сильнее привязывался ко мне. Говорил, что никогда в жизни не испытывал подобного чувства. "Несмотря на близость, для меня как невесты"

та", — любил говорить он мне. Он звал меня "маленькая невеста", хотел, чтобы я развелась с Яншиным, и сам намеревался изменить свою ситуацию с Брик. Он хотел упорядочить наши отношения и вступил в какой-то писательский кооператив, чтобы получить новую квартиру. Более того, он попросил одну для Брик, а другую для нас. Мы выдумали для себя пароль: "думать и делать". Он стал очень нервный и требовательный, даже деспотичный. Все больше выходил из себя, потому что театр оставался для меня мало свободным временем. Он приезжал за мной в МХАТ, садился в одном из двух театральных кафе и ждал. Я все не приходила. Репетировали с известным режиссером Немировичем-Данченко — и я не могла уйти с репетиции.

— Маяковский был резким человеком?

— Да, он часто раздражался. У него был тяжелый характер, но при этом он был полон принципов. Он мог часами молчать и вдруг, неожиданно зацепившись за какую-нибудь деталь, взорваться.

— Но он был также нежным и мягким...

— О, да. С женщинами он был более

ва, он решительно был готов сделать то, о чем говорил. В соседней комнате мой муж с трудом сдерживал себя, ситуация была на пределе. Мы договорились увидеться рано утром на следующий день. Очень рано, потому что в половине одиннадцатого я уже должна была быть в театре.

Следующим днем было 14 апреля. Он приехал за мной в восемь часов на такси, поскольку у его шофера был выходной. Накануне вечером грозился убить себя и даже на меня наводил пистолет, с которым не расставался. То утро было очень солнечное. Я сказала: "Какое солнце! Какая красота! Ты еще не забыл свое вчерашнее глупости?" — "Солнца я не вижу. А свои глупости я выбросил из головы", — ответил он. И добавил, что не мог убить себя потому, что думал о своей матери. Когда мы были дома, он закрыл дверь на ключ. "Глупо ждать, когда тебе дадут квартиру, — начал он. — Давай решать: или сейчас, или никогда. Я тебе не позволю выйти отсюда, ты должна оставить театр и мужа. Я закрою тебя здесь на ключ и поеду говорить с Яншиным и в театр. Скажу и там и там, что ты больше не придешь. Я позабочусь о

последняя любовь поэта

шим романтиком, настоящим джентльменом. Таким он был и по отношению к Лили. Но этот его романтизм никогда не выглядел как сентиментальность. Слухи о том, что он был человеком легкомысленным, совершенно необоснованны. Он никогда не тратил себя в легкой любви, по крайней мере в тот период, когда я его знала. Его любовь всегда была глубокой, а он сам тоже был деспотом. Именно его деспотизм удерживал меня от решающего шага. С одной стороны, я все больше чувствовала себя привязанной к нему, с другой — я просто боялась.

— Вы никогда не задумывались над тем, что эти негативные всплески Маяковского были связаны с проблемой саморазрушения?

— Не знаю, мне трудно об этом говорить сегодня.

— Вероника Витольдовна, не могли бы вы рассказать о ваших последних встречах?

— Могу попробовать. Я была последним человеком, который видел его живым. К тому времени наши отношения стали очень сложными. Тогда он заболел гриппом и, возможно, поэтому был очень нервным. Но, вероятно, были на то и более серьезные причины: провал его пьесы "Баня", публикация приняла ее крайне равнодушно. Его не поразили бы скандальный провал, Маяковский любил вести полемику. Но тишина, наоборот, его ранила. Потом его вступление в РАПП, ассоциацию пролетарских писателей, где его приняли весьма холодно. В связи со всем этим в те дни он был невыносим. Мы договорились, что не будем встречаться три дня. Он будет лечить свой грипп, и, таким образом, мы отдохнем друг от друга. Но наш договор был нарушен. На следующий день он позвонил мне: "Что делаешь?" "Не знаю еще", — ответила я. — Катаев приглашает к себе, да помимо этого у меня приглашение на ипподром". Затем я сказала, что к Катаеву не пойду, но после передумала и пошла. Он был там. Я никогда не видела его пьяным, он любил вино, но крепких напитков не пил. В тот же вечер он был пьян, ужасно зол на меня, что я сказала ему не то, что сделала. Он предпринимал отчаянные попытки объяснить со мной, но за столом было много народа. Поэтому он стал общаться со мной при помощи ручки и листов из блокнота. Все это бросалось в глаза другим, и положение было крайне затруднительное, неловкое. Среди гостей был и мой муж. Люди вокруг были наигранно любезны, иронизировали, я же чувствовала себя не в своей тарелке. Он упрекал меня за то, что я здесь, а я говорила, что он шпионит за мной. Атмосфера становилась накаленной, он встал и вышел в другую комнату. Я последовала за ним, он начал меня оскорблять. Я поняла, что он способен на все, мне было больно. "Сейчас я пойду туда", — пригрозил он, — и расскажу им обо всем, что между нами." Я чувствовала, что его не стоит провоциро-

тебе, я все беру на себя." — "Я не согласна, — ответила я, — я не могу бросить театр. Даже такой великий человек, как ты, не в состоянии заполнить мою жизнь. К тому же я не могу так обойтись с Яншиным, мне самой надо с ним поговорить. Я пойду на репетицию, а вечером буду у Яншина, поговорю с ним и приду сюда." В дверь постучали. Это был человек, который продавал книги. Мы открыли. Человек разложил книги на диване, но тотчас же заметил наше состояние и вышел. Дверь оставалась открытой. Маяковский повторил: "Или сейчас, или никогда". — "Так я не могу, — ответила я. "Значит, идешь на репетицию?" — "Да." — "Ну тогда иди сейчас." — "Но еще слишком рано, мне нужно быть в театре позднее." — "У тебя есть деньги на такси?" — спросил он. И так как их у меня не было, дал мне двадцать рублей и снова сказал: "Иди". — "Ты позвонишь мне сегодня вечером?" — спросила я. "Да", — ответил он и принял быстро расхаживать по комнате. После я поняла, что в тот момент он выгнал из календаря листки тех дней, когда мы не должны были видеться. "Ты действительно позвонишь?" — спросила я еще раз. "Да, да". Я открыла дверь и, как только закрыла ее за собой, услышала сади выстрел. Я бросилась в комнату, пистолетный дым еще не успел рассеяться. Он лежал на полу, горло и лицо были красные от крови, но в глазах еще был взгляд. "Ну что ты наделала!" — крикнула я. Кто-то торопливо вошел в комнату и сказал, что сейчас приедет скорая помощь и чтобы я шла ее встречать. Я спустилась, но когда поднялась снова, услышала голос постороннего человека: "Слишком поздно, он мертв".

— С годами вам не удалось понять, почему он покончил жизнь самоубийством?

— По целому ряду причин. Наши отношения были для него наподобие соломинки, за которую хватается утопающий. Конечно, он тонул в море своих проблем. Я для него была девочкой, и он не разделял со мной то зло, которое чувствовал. Он был очень эмоциональный, широта его сердца была безгранична.

— Возможно, что со своей чувствительностью он ощутил приближение мрачного сталинского периода, заключение друга — Мейерхольда...

— Об этом он мне никогда ничего не говорил.

— А как жили после этого вы, Вероника Витольдовна, не мучали ли вас угрызения совести?

— Я терзалась ими. Лишь со временем я поняла, что этот конец был неизбежен.

— А потом? Что было с вашим сердцем, со способностью любить?

— Жизнь есть жизнь, но то, что случилось у меня с ним, было навсегда. И конечно, жизнь в тот день сползлась...

Публикацию подготовил
Максим ИВАНОВ.

портрет

Реклама публикуется
по договоренности с фирмой
"Mobile Telecom"
(095) 946-2222

Главный редактор: Андрей МЯКИН
Первый зам. главного редактора: Александр СОКОЛОВ
Зам. гл. редактора: Ирина АВЕРАКИНА
Художественный редактор: Александр АЛЕКСАНДРОВ
Корректоры: Елена АНДРИАНОВА, Елена АНДРИАНОВА
Зам. главного редактора: Владимир КУРАШОВ
Выпускающий редактор: Александр АКУЛИЦЫН

Издатель: ИД "Правда" (ИД "Правда")
Печать: ИД "Правда" (ИД "Правда")
Секретарь: Елена АНДРИАНОВА
Дизайн: Сергей ГОРЮНОВ
Корректоры: Елена АНДРИАНОВА, Елена АНДРИАНОВА
Телефон: 332 3331, 332 3332
Справки по рекламе: 124 0230

"Моя Газета" выходит в двух вариантах.
Первый вариант — это ежедневная газета.
Второй вариант — это газета выходного дня.
Второй вариант — это газета выходного дня.
Второй вариант — это газета выходного дня.
Второй вариант — это газета выходного дня.
Второй вариант — это газета выходного дня.

МОЯ
ТАБЛЕТКА